

УДК 008.009:3

КУЛЬТУРА КАК ПОЛИТИКА. КРИТИКА СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ

Гертнер Светлана Леонидовна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и международного культурного сотрудничества, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Китов Юрий Викторович, доктор философских наук, профессор, ассистент-исследователь Университета Висконсин-Милуоки (Милуоки, США). E-mail: ykitov@gmail.com

Предметом исследования данной статьи выступают современные попытки политизации культуры от случаев, когда политика облекается в культурные формы, до замены сущностных элементов культуры элементами политики. В критические моменты межгосударственной напряженности политизация культуры усиливается как со стороны лиц, принимающих решения в области культуры, так и в виде дозированного предоставления информации. Изучение проблемы осуществляется на основе принципа единства логического и исторического, абстрактного и конкретного. Новизна исследования состоит в выявлении специфики современного взаимодействия политики и культуры, когда традиционное влия-

ние одной области деятельности на другую трансформируется в попытки замены системообразующих компонентов друг друга. Такого рода процессы характеризуют российско-американские отношения, установившиеся после украинских событий, поэтому в качестве временного отрезка изучения избирается 2014 год. Суждения политиков по обе стороны океана о культуре видоизменяются от суждений, базирующихся на сущности культуры до суждений, диктуемых политической целесообразностью. Что выражается, например, в потере такими формами взаимодействия субъектов, как диалог и такими способами отношений между субъектами, как толерантность закрепленного за ними изначально культурного содержания. Культурный потенциал диалога и толерантности как форм сближения позиций утрачивается и может быть заменён на противостояние. Политизация мышления деятелей культуры в обеих странах становится тенденциозной и находит выражение в воинственной риторике (Россия) и в создании художественных образов, наполненных сарказмом (США). Другой стороной новизны работы является введение в научный оборот материала, предоставляемого поисковой системой американского исследовательского университета в изучении проблемы культуры как политики через запросы «российско-американские отношения», «антиамериканизм», «руссофобия». Руссофобия и антиамериканизм являются формами суждений, негативный характер которых возникает под воздействием предвзятых культурных установок. Избирательность и тенденциозность предоставления информации, стремление к игнорированию специфики культуры как диалога, толерантности, сужение объема понимания культуры в единстве универсального и релятивного, по мнению авторов, являются платой за суждение о культуре как политике.

Ключевые слова: культура как политика, единство логического и исторического при анализе культуры, современное состояние российско-американских отношений в единстве культурного и политического, антиамериканизм, руссофобия, диалог культур, толерантность.

CULTURE AS POLITICS. THE CRITIQUE OF JUDGEMENT

Gertner Svetlana Leonidovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Culturology and International Cultural Communications at Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation). E-mail: gertnerlana@gmail.com

Kitov Yuriy Viktorovich, Dr of Philosophical Sciences, Research Assistant at the University of Wisconsin-Milwaukee (Milwaukee, USA). E-mail: ykitov@gmail.com

The subject of the research deals with contemporary attempts at politicization of culture from instances where politics take on a cultural appearance, to the replacement of essential cultural elements with the elements of politics. In critical moments of inter-governmental tensions politicization of culture increases. This can be seen in the change of decision-making processes concerning culture up to the dosing of information intended for public use. In engaging their subject authors are utilizing principles of unity of logical and historical analysis, as well as unity of abstract and concrete knowledge. Novelty of the research consists in exposing specifics of contemporary interrelations between culture and politics that leads to the evisceration of cultural essence from dialog and tolerance that traditionally have been considered as belonging solely to the cultural domain. Such processes started to characterize U.S - Russian relations that settled up as a result of the Ukrainian crisis, which sets 2014 as a point of departure for a historical part of the research. It is noted that since 2014 judgments expressed by politicians on both sides of the Ocean became more tendentious and determined by political expedience. This leads to a loss by dialog and tolerance of a typically mitigating meaning that was traditionally assigned to them by culture. Thus cultural potential of dialog and tolerance is waning. Politicization of thinking by cultural figures represents itself in the militarization of rhetoric (Russia) or production of sarcastic images of the opponent (U.S.). Another realm of the research novelty represent itself through the introduction into scientific circulation of the information associated with U.S. - Russia relations, anti-Americanism and Russophobia that are readily available to the users of library information system at

the American research university. Russophobia as well as anti-Americanism are the forms of judgment, negative character of which stems from prejudicial psychological settings. Selectivity and bias in information dosage, tendency at ignoring cultural essence of dialog and tolerance, narrowing of understanding culture through the unity of universal and relative is the price for judging about culture as politics.

Keywords: culture as politics, the unity of logical and historical in cultural analysis, contemporary U.S. - Russian relations through cultural and political dimensions, anti-Americanism, Russophobia, cultural dialog, tolerance.

Сразу же хотелось бы отметить, что авторы не претендуют на политический взгляд на проблему, полностью предпочитая держаться в рамках культурологического подхода. Если какие-то из аспектов статьи и затрагивают политические вопросы, то только лишь для того, чтобы они были подвергнуты культурологическому истолкованию. Поскольку культурология, несмотря на постоянно ее преследующие организационные изменения, в основном внешнего по отношению к ней происхождения, является все же наиболее удачным на сегодняшний день соединением различных подходов к изучению культуры, среди которых есть место и философскому, то требование изучения явления в единстве логического и исторического вызывает необходимость не только определения объекта анализа, но и его существования во времени.

С нашей точки зрения, 2014 год является тем историческим рубежом, когда взаимоотношения России и Запада существенным образом изменяют логику толерантности и диалога, подчиняя их культурную составляющую политической. Неприятие политики, осуществляемой Россией и Западом, ведет к поиску несоответствий в области культуры, превращая вчерашние различия в сегодняшние антагонизмы. При этом каждая из сторон пытается обосновывать собственную логику эскалации действиями другого. Культура, являясь ранее страховкой от скатывания в противостояние, становится сегодня его обоснованием. Культурный диалог как, казалось бы, непререкаемое открытие единства человечества уступает место монологу и онтологизирует различия. Субъекты, несущие ответственность за политику, испытывают раздражение, когда их решения не находят поддержки у субъектов, отвечающих за культуру. При этом российские министры, которые сегодня могут озвучить касающиеся геополитики тексты друг друга почти без изменений и оказываются едиными во мнении, в 2014 году выводили свои функции не столько из политики,

сколько из отрасли, которую они были призваны курировать и развивать. Так, министр культуры на вопрос о границах отказывался брать на себя ответственность за их определение, выводя содержание своих действий из содержания культуры, подчеркивая, что культура не имеет границ [3]. А министр образования, будучи физиком по профессии, проявил себя как культуролог в вопросе о том, что компетентность не определяется национальностью, и высказывался в поддержку уволенного после информационной программы американца, занимающего проректорский пост в российском университете [2]. Однако последующие события – западные и ответные российские санкции, проблемы с большой восьмеркой, прекращение деятельности Совета Россия-НАТО и другие политические проблемы – свели культурную составляющую межнационального взаимодействия к минимуму. Итак, напряженность и даже противостояние России и Запада возникло в результате качественно изменившихся политических отношений, однако, какие качественные изменения, с 2014 года произошедшие, например, в российской и американской культурах, могли спровоцировать межкультурную напряженность? Действия Америки в области либерализации браков, призыве на военную службу приверженцев однополых отношений и празднование Хэллоуина – никоим образом, до включения Крыма в состав РФ и возникновения ДНР и ЛНР, не влияли на российско-американские отношения. В свою очередь российское православие не выступало в качестве непреодолимой грани в выработке политических решений между Москвой и Вашингтоном. Именно политика стала той «черной дырой», которая с астрономической силой стала втягивать в себя области общественной жизни, до этого ею не детерминируемые, культуру в том числе. Трудно определить первые атомы культуры, не выдержавшие гравитации со стороны политики и потому утратившие свою качественную самостоятельность, будучи поглощенными ею. Однако

о происходящих изменениях в системе можно судить по тому, как ведут себя системообразующие элементы, к каковым, безусловно, можно отнести публичных лидеров. При этом, фиксируя культурные сдвиги, не следует поддаваться упрощениям и принимать в качестве таковых околокультурные явления, например, высказывания политиков о культуре, но фиксировать события, когда лидеры культуры вовлекаются в политику. Следует отметить, что российская сторона сегодняшнего культурного противостояния с США довольно долго вовлекалась в это противостояние, то ли по причине извечной российской медлительности, то ли по причине большей устойчивости элементов российской культуры к гравитационным процессам в политике. Когда американские лидеры уже широко обосновывали вовлечение России в украинские события наличием советской воинственной ментальности в российской культуре, российские лидеры прибегали к фигуре умолчания в отношениях со своими партнерами.

Наиболее видимо данная фигура проявилась в интервью российского министра образования Ливанова американской передаче Лари Кинга, транслируемой через канал Russia Today [2]. Российский министр, используя английский как культурный медиум при ответах на множество вопросов, вдруг кричаще замолчал при вопросе о том, что стало причиной ухудшения российско-американских отношений, отказываясь называть присоединение Крыма, образование ДНР и ЛНР и, даже, проект «Новороссия», предпочитая оставаться внутри культуры своей профессии, не давая себе быть вовлеченным в политику. Причину молчания сложно обосновать индивидуальными чертами характера министра, например, тактичностью. Оговорки по Фрейду, появившиеся на полосах российских газет, тому свидетельство [5]. Министерское молчание скорее имеет отношение к российскому образованию как части российской культуры, где, несмотря на его постоянную критику, профессиональность преобладает над политической. Вот где действительно содержится советское влияние, которое следовало бы серьезно изучать тем, кто склонен закреплять за советским прошлым российского образования только негативные значения. Можно ли утверждать, что во время Советского Союза образование не было подвержено воздействию со стороны политики? Или, например, что политическое влияние на рос-

сийское образование периода СССР было меньшим нежели то, с которым ему приходится сталкиваться со времени российской независимости? Вопросы оказываются риторическими, однако очевидность ответа на них предполагает и другую очевидность. Ту, что, несмотря на доминирование коммунистической идеологии и политического влияния КПСС, российское образование развивалось по своим внутренним законам как культурная реальность. И эту реальность либо не стремилась, либо не смогла разрушить КПСС. И это даже если абстрагироваться от мнения о том, что благодаря Советскому Союзу и Коммунистической партии российское образование, может быть, и смогло стать одним из самых состоятельных в мире. Деятельность нынешнего Министерства образования, безусловно, несвободна от критики по ряду обстоятельств. Например, по обстоятельству того, как Минобр оценивает советский этап в развитии образования и считает ли сокращение сети вузов – реформой. Или склонность Минобра использовать зарубежный опыт проявляется не столько в наполнении содержания образования, где это оказывается необходимым, сколько в возведении его в абсолют как оценочного критерия. Вместе с тем, с уверенностью можно отметить, что одно из советских качеств, которое до сих пор присутствует в российском образовании, – это ориентация на профессионализм. И эту ориентацию смог усвоить и продемонстрировать министр, хотя, возможно, и на бессознательном уровне. Профессиональная культура в сознании министра взяла верх над политической тенденциозностью, выразившись в том, что министр охарактеризовал профессиональные контакты с американскими университетами как витальные и то, что прием на работу в российские вузы лучших американских ученых и преподавателей не только не подрывает российское образование, но и способствует его развитию [2]. Примечательно, что после этого Лари Кинг не смог удержаться и заявил, что он любит Россию. Интересно высказался ли бы также известный американский журналист, если бы Ливанов провозгласил бы что-то в духе того, что только русские могут работать в российских вузах. Ведь говорят же политики: «Россия для русских», «Украина для украинцев», «Грузия для грузин». И если проект «Россия для русских» так и не был осуществлен, то «Грузия для грузин» времен Гамсахурдия – получил реали-

зацию в виде абхазской и осетинской кампаний и никак не смог оправдать заложенную в нем программу именно по причине того, что ее этнический характер не дотягивал до национально-культурного. Возвращаясь к Ливанову, можно сказать, что в качестве министра он, по-видимому, и не лучший, но в то же время обладающий культурой своей профессии.

Другим и откровенно неожиданным примером того, как уже экономическая культура неохотно втягивалась в лоно политики после 2014 года, явилась публикация на довольно известном и откровенно прозападном англоязычном аналитически-информационном сайте *Kuiv Post* экс-президента американской торгово-экономической палаты на Украине Бернарда Кейси. В марте 2015 года, уже не будучи президентом палаты, американец делился своим удивлением в отношении того, как сложившаяся культура экономики откровенно игнорировалась и политизировалась новой украинской властью: «Мои предостережения не замечались и украинские экономические и торговые отношения со своим наибольшим инвестором и торговым партнером Россией ухудшались; субсидии на газ и дешевые кредиты обменивались на рыночную цену и обещания кредитов МВФ с социально разрушительными последствиями; деиндустриализация проявлялась в существенном снижении валового внутреннего продукта, корпоративной прибыли и налогов, собираемых государством; преобразование в сырьевой придаток Запада не компенсировало экономические потери от деиндустриализации; рухнул даже такой оплот экономического сектора, как сельское хозяйство» [15]. Американского президента торгово-промышленной палаты на Украине сложно заподозрить в любви к России и уж тем более к российской политике 2015 года, однако его невозможно упрекнуть и в непрофессионализме, отсутствии экономической культуры. Представлять американские бизнес-интересы на Украине вряд ли бы был направлен дилетант. Его реакция на происходящие изменения на Украине диктовалась интересами профессии, а не политическими интересами. Там, где политика вторгалась в сферу его профессии, деформируя экономическое сознание и поведение, то есть разрушая экономическую культуру и выстраивая границы для реализации экономических интересов, она оказывалась неприемлемой. Интересно, что

в отношении следования культуре своей профессии между американским президентом торгово-промышленной палаты и российским министром культуры нет больших различий. Оба считают, что как для развития экономики, так и для развития культуры установление границ оказывается неприемлемым. Единственная граница для обоих – культурная граница профессии, защита которой является безусловным требованием, спасающим дело, которым они занимаются, от разрушения.

Конечно, культура и политика взаимосвязаны и как области деятельности, и как сферы общественного сознания. Однако когда одна из них пытается заменить собой другую, подменяя системообразующие элементы своими, результат оказывается не только противоречивым, но и противоположным. Культура всегда шире политики, в особенности, если под культурой понимается не только отрасль, охватывающая учреждения и организации культуры, но и качество, характеризующее целостность и высшие уровни развития сознания и деятельности. Именно в этом смысле следует говорить, например, о культуре политики, то есть о политике в ее высшем структурно-функциональном качестве. Ведь драка как борьба за власть, например, в условиях тюремной камеры – тоже может характеризоваться в терминах политики, однако распространение такой политики на всю страну может превратить ее в тюремную камеру. К сожалению, после 2014 политический мейнстрим США как раз и пытается представить своим гражданам Россию в виде такой камеры, подменяя развитие, основанные на реальности элементы культуры политики, на флюидные, основанные на конструируемой реальности, а если проще – на выдумке. Вместе с тем заложником такой системы становятся те, кто ее сам и создает: сегодня претендентом от консервативной партии на президентский пост в Америке является человек, который смог построить избирательную кампанию без политической программы – просто на выдумке. Политическая программа Дональда Трампа не имеет качеств, которые обычно предъявляются к политическим программам со стороны цели, задач, предполагаемых ресурсов, способов и сроков достижения результатов, поэтому и не может быть охарактеризована в терминах культуры. Ни в каких других терминах, кроме вы-

думки, не представляется возможным охарактеризовать слова Трампа о том, что все мексиканцы являются сексуальными насильниками или что он реализует свои обещания не пустить в Америку ни одного мусульманина. Даже его обещание выслать всех нелегальных иммигрантов из страны, судя по требуемым для этого затратам, американскими экономистами характеризуются не иначе как фантазия. Уже введение в расчеты элементов экономической культуры позволяет утверждать, что урон внутреннему валовому продукту Америки, в случае реализации обещания Трампа, составит 1,6 триллионов долларов, снизит развитие экономики на 5,7 %. И это самые консервативные расчеты. Так, аналитик Рассел Берман, ссылаясь на исследователей, явно обладающих экономической культурой Лауру Коллинз и Бэна Гитиса, говорит о том, что эти расчеты «не включают в себя, например, стоимость строительства новых зданий для судов, тюрем и других зданий, которые, возможно, понадобятся для того, чтобы рассматривать дела и содержать миллионы иммигрантов» [11, с. 2].

Вместе с тем выдумка возникает и тогда, когда картина политической реальности создается в результате замены реальных элементов политики идеальными элементами культуры или, если по-другому, в результате культурного идеализма. И если оказывается, например, привычным, что идеализацией американской политики занимается госдеп (так принято именовать в России Department of State), то когда это делают российские ученые – становится интересным, особенно со стороны того, какого рода научная аргументация при этом привлекается. Примечательной в этой связи является книга Вероники Крашенинниковой «Америка-Россия: холодная война культур» [1], к достоинствам которой следует отнести то обстоятельство, что российский ученый, в отличие от коллег из СМИ, не набрасывается на своих оппонентов, как это принято в условиях современной политической тенденциозности, а утверждает, что «культурно-политические ценности устанавливаются и описывают генотип нации – наследственную конституцию ее организма» [1, с. 11]. Однако последующие аргументы, привлекаемые для объяснения различия России от Америки, оказываются, на наш взгляд, недостаточными ни в логическом, ни в историческом

плане. В частности, после сообщения о том, что американское общество обязано своей стержневой идеей Джону Локку о равенстве всех перед Богом, автор утверждает: «...если Америка, заложив в фундамент государства духовную идею, тем самым подключилась к неисчерпаемому источнику человеческой энергии, мотивации и легитимности, Россия, несмотря на свою давнюю духовную традицию, в 1917 году отвергла этот источник и заменила его коммунизмом, в который требовалось верить вполне религиозным образом» [1, с. 11]. Если идеей Локка Крашенинникова пытается обосновать культурно-политические ценности Америки, то ей придется объясняться уже не только с антиамериканским сегментом российских СМИ, но и, по крайней мере, с двумя-тремя этническими группами северо-американских индейцев, история которых не смогла достаточным образом ощутить величие локковской идеи. Логический анализ современной политики Америки с точки зрения представленности в ней «духовной идеи», позволяющей США подключаться «к неисчерпаемому источнику человеческой энергии», если, конечно, последнюю не понимать буквально как энергоресурсы (нефть, газ и т. д.), также не выдерживает критики. Здесь за разъяснением можно обратиться не только к России, но и к странам Ближнего Востока, с которыми у Америки сегодня более позитивные отношения. И здесь не вина автора книги, а беда избранного ею подхода, который не выдерживает верификацию реальностью. Ведь если перевести то, что говорит Крашенинникова о важности духовной идеи для политики на более простой язык, а такую возможность автор предлагает сама, когда говорит о том, что «устойчивость идеалов, убеждений и привычек описана как научными, так и народными выражениями» (курсив наш. – Ю.К. и С.Г.) [1, с. 11], то получается очень близко к народному тексту о хороших намерениях, которыми выстлана дорога в сторону, противоположную от рая. Поэтому не только Крашенинникову, но и любого другого исследователя ожидают непреодолимые трудности, когда будет попытка заменять системообразующие элементы политики на системообразующие элементы культуры. Несмотря на связь между культурой и политикой – все-таки это две самостоятельные области деятельности. И к ним должны быть применены критерии

практики, или, в деятельностной терминологии, результата деятельности, который только и позволяет судить о ценностях реализованных, а не постулируемых, выдуманных.

Книга Крашенинниковой издана в 2007 году и, безусловно, ученый смогла найти богатый материал не только для подтверждения, но и критики собственной позиции после 2014 года. Вместе с тем один из тезисов Крашенинниковой, высказанный ею в 2007 году о том, что если «российским умом понять Россию сложно, то американским это сделать еще сложнее» [1, с.1], и ее характеристика «американского ума» как состоящего из «существенно отличающегося от российского набора ценностей, наполненных, к тому же, уникальным содержанием» [1, с. 1], на наш взгляд, не теряет свой актуальности и после 2014 года. В рамках этого тезиса постараемся взглянуть на то, что произошло с американским умом в 2015 и 2016 году по отношению к представлению в нем о России. Однако в качестве областей проявления этого ума мы определим те, которые, в рамках и американского, и российского ума относятся к области культуры. При этом будем придерживаться понимания культуры и как отрасли, и как качества деятельности, то есть деятельности, которая имеет сложившуюся, устойчивую структуру, а также цели и средства которой могут быть изучены в терминах культурологии. Данное выше понимание культуры задает логику вычленения предмета, которая включает необходимое и достаточное основание. Достаточным основанием выступает то, чтобы изучаемый предмет принадлежал не российскому, а американскому уму; необходимым – чтобы его качественные, культурные, характеристики были бы не случайными. Иными словами, анализируя явления культуры, позволяющие современному американцу формировать представление о России, мы должны быть уверены, что ни явление, ни американец – не случайные элементы американской культуры, а устойчивые и необходимые. Соответственно не каждый американец и не каждое явление культуры будут интересовать нас в качестве соединения в предмете, а только образованный и взаимодействующий с явлениями, безусловно относящимися к культуре.

Несложно увидеть, что сфера образования отвечает вышеназванным критериям. Образование выступает необходимым условием критерия предмета не только потому, что оно входит

в сферу культуры, но и потому, что необразованный американец 2015, а тем более 2016 года не является критически мыслящим, когда вопрос касается России. Так, даже на часть образованных американцев, поддерживающих на праймериз республиканца Дональда Трампа, его противоречивые высказывания о России не оказали критического влияния, о чем свидетельствует то обстоятельство, что число его электората никак не изменилось после его высказываний. Иными словами, никто не перестал поддерживать Трампа после его поочередного провозглашения дружбы и вражды с Россией. Мы имеем в виду интервью Дональда Трампа с Биллом Орайли, где кандидат в президенты Америки, отвечая на вопрос связанный с Россией, хорошо характеризует Путина и заверяет, что установит со страной и ее лидером хорошие отношения [45]. И заявление Трампа о том, что американские моряки должны сбивать российские самолеты, сопровождающие корабли США, если Кремль не ответит самолеты обратно [42].

Образование как часть американской культуры для нас выступило важным еще и потому, что оно, в отличие от Интернета (где можно, при желании, найти информацию, прямо противоположную по одному и тому же вопросу), дает систематическое представление о предмете, согласно действующим в стране культурным ценностям. В качестве источника получения информации о России мы выбрали полнотекстовую базу данных университета Висконсин-Милуоки – одного из исследовательских университетов США, что по определению отбрасывает сомнения в некачественности или несистематичности информации. Университет является не частным, а публичным учебным заведением. Следовательно, любой житель штата имеет право воспользоваться библиотекой университета для составления, в нашем случае, представления о России. Мы решили, что для составления представления о наполнении «американского ума» информацией о России важным окажется шкала от нейтральной до критической. При этом мы сочли необходимым введение критерия актуальности информации, то есть активно употребляющейся в печати двух стран терминологии для характеристики современного состояния российско-американских отношений. В итоге мы пришли к выводу о том, что информационные запросы «U. S.-Russia rela-

tions» (американо-российские отношения) «anti-Americanism and Russia» (антиамериканизм и Россия), «Russophobia» (руссофобия) будут адекватно отвечать и предмету, и выдвинутым нами критериям.

Следует отметить, что нас интересовали только полнотекстовые базы данных с 2015 по 2016 год, для того чтобы получаемая информация была не усеченной и актуальной одновременно.

Возврат по запросу об американо-российских отношениях составил 1,860 источников. Среди них оказались доступными 11 книг, 11 диссертаций и 137 статей. Несмотря на энтропию, сопровождающую любой, казалось бы, максимально точный запрос, ряд источников имел весьма отдаленное отношение к теме. Среди релевантных источников основными темами в российско-американских отношениях выступили: конфликт на Украине; конфликт в Сирии; Россия, Америка и исламский мир; баллистические ракеты и противоракетная оборона; энергетический диалог и энергетическая безопасность, санкции и холодная война. Как видим, темы вполне отражают специфику российско-американских отношений и изменения, произошедшие в них после 2014 года, что позволяет предположить, что интересующиеся проблемой американцы имеют хорошие возможности для реализации своего интереса. Специфическим явлением, на наш взгляд, явилось то, что по сравнению с периодом до 2014 года термин «холодная война» стал употребляться не только в историческом плане, но и для характеристики современных отношений. Вместе с тем словосочетание «холодная война» не содержалось ни в одном из названий книг, а среди диссертаций «холодная война» была представлена двумя работами: Иса Абу «Трагедия МН 17: компаративный анализ медиавысказываний авиационных бедствий периода холодной войны и послевоенного периода» [28] и Ван-Джелгерхиуса «Возрождение имиджей холодной войны в западной популярной культуре» [44]. Среди статей две были на китайском, две на русском, две на польском и одна на болгарском языках. То, что статьи на русском языке оказываются доступными американским пользователям университетской библиотеки, – явление, несомненно, положительное, однако то обстоятельство, что их количество является равным количеству статей на китайском и польском языках, – вызывает озабоченность,

поскольку речь идет о российско-американских, а не американо-китайских или американо-польских отношениях. Тематическая концентрация статей оказалась сходной с книгами и диссертациями, однако имела свою специфику. Например, термин «холодная война» встречался значительно чаще в названиях статей, а сами названия тяготели к броскости и привлечению интереса посредством алармизма, задействованию специфических для американской культуры фразеологических оборотов, использованию нейтральных русских аббревиатур, наделяемых в английском негативным смыслом. Примером алармизма были названия «Россия продолжает побеждать» (Russia Keeps Winning) [18], «Не забывайте Украину» (Don't Forget About Ukraine) [34], «Не отворачивайтесь от НАТО» (Don't Pivot Away From NATO) [21], «Крушение европейской мечты о порядке: как Путин подрывает Атлантический Альянс» (Europe's Shattered Dream of Order: How Putin Is Disrupting the Atlantic Alliance) [30], «Холодная война, но не твоего отца» (Not Your Father's Cold War) [27]. Привлечение внимания путем английской фразеологии было в названиях: «Что-то, но недостаточно» (Something, But Not Enough) [49], «Море проблем» (See of Troubles) [12], «Эми, уходи домой» (Ami Go Home) [6], «От Восточного политика до “замерзшего” политика?» (From Ostpolitik to 'frostpolitik?') [23]. Среди приведенных выше названий, по нашему мнению, для российского читателя может вызвать затруднение в понимании только Something, But Not Enough. Дело в том, что оно является перефразированием английского фразеологического оборота Something better than nothing (Лучше что-то, чем ничего). Отсюда автор статьи, которая касается перспектив возможного американского сотрудничества с Россией, посредством задействования смысла фразеологического оборота говорит читателю, что даже то, что предпринимается Америкой (в данном случае секретарем Керри) оказывается явно недостаточным для улучшения отношений.

Статьи, в названиях которых используются русские аббревиатуры, – в основном критического по отношению к России содержания. Так, автор статьи «Некоторые БРИКС в Арктике» (Some BRICS in the Arctic) [48], посвященной современному усилению российского влияния в Арктике, показывает свою тенденциозность путем фонетической ассоциации названия организации

БРИКС с английским словом bricks – “кирпичи”. Естественно выражение «Некоторые кирпичи в Арктике» вызывает у англоязычного читателя негативный оттенок.

Из всех названий статей только одно содержит коннотацию с непосредственным элементом англо-американской культуры – литературным произведением Джона Ла Каррэ «Шпион, который вернулся из холода» (*The Spy Who Came in from the Cold*). Роман, по которому Мартином Рифом сделан одноименный фильм, получивший Оскара, посвящен периоду холодной войны. Действие романа происходит в Восточной Германии, где английская разведка пытается защитить одного из своих информантов путем сложной комбинации действий не подозревающих о своей роли участников событий. Достигнутый успех английской разведки имеет неожиданный второй план – смерть агента и его подруги, которые в своих действиях руководствуются критериями общечеловеческой нравственности. Отсюда культурно-нравственный пафос романа – осуждение холодной войны как безнравственного начала и барьера в нравственных человеческих отношениях. Берлинская стена выступает не стеной между Западом и Востоком, а символом безнравственности, содержащейся по обе стороны. Герои романа гибнут, ставя проблему прекращения холодной войны. Поэтому, когда автор одной из статей о современном состоянии российско-американских отношений, Хокинг Бри прибегает к названию «Шпион, который вернул холодную войну» (*The Spy Who Brought Back the Cold War*) [26], негативной ассоциации с романом невозможно не заметить. Автор статьи сообщает о возобновлении в Англии уголовного дела, связанного со смертью Литвиненко, обращая внимание на то, что дело в свое время было остановлено, так как, по мнению министра Внутренних дел Великобритании Терезы Мэй, могло оказать негативное влияние на международные отношения. Автор статьи приходит к выводу, что отношения между Россией и Западом настолько испорчены, что возобновление дела – просто логическое продолжение противостояния, а, значит, и возвращения холодной войны. В ходе повествования Хокинг прямо пишет: «История расследования оказывается достоянием романа Джона Ла Каррэ» [26].

Если культурная составляющая в российско-американских отношениях после 2014 года пред-

стает как историческое возобновление цивилизационного противостояния России и Америки со скатыванием в ситуацию холодной войны, то «антиамериканизм» и «руссофобия» выступают как крайние полюса данного противостояния, проецированные в сферу культуры. Несмотря на то, что и антиамериканизм, и руссофобия в состоянии оказывать влияние на человеческое поведение и деятельность, применение к ним культуры в виде качественной характеристики деятельности, на наш взгляд, было бы неверным. Культура, как характеристика деятельности, охватывает ее высшие уровни, то есть присутствует в любом из видов деятельности, который достигает целостности, устойчивости, универсальности. Поскольку деятельностью обладают только люди, то высшие ее уровни, к какой бы сфере жизни человека они не принадлежали, в виде конечного продукта должны предусматривать человека и служить ему. Другими словами, должны включать в себя человеческое измерение своего результата. Это качество деятельности даже абсолютизировалось некоторыми учеными, которые с ним связывали культурную деятельность как таковую (Л. Коган). Некоторые характеризовали высшие уровни деятельности в терминах творчества и отличали культуру от некультуры в связи с тем, что культурой называли творческую деятельность (А. Арнольд). Несмотря на логическую стройность данных пониманий их историческая сторона не всегда выдерживает критики. Так, хорошо известный факт обращения Эйнштейна к немецким физикам, приблизившимся во время Второй мировой войны к открытию деления атома, не укладывается в вышеприведенную логику понимания деятельности. С точки зрения достижения результата – физики, расщепив атом, казалось бы, двигались в сторону целостности и устойчивости деятельности. Однако ее результаты попали бы в руки к нацистам, что означало бы игнорирование универсальной ценности деятельности. Поэтому даже профессионально совершенный результат деятельности не всегда в состоянии обеспечить ей универсальный нравственный характер, а, значит, такая деятельность не может характеризоваться в терминах культуры. Совершенно очевидно, что ни руссофобия, ни антиамериканизм в качестве характеристики результата деятельности, то есть достижения цели, ради которой деятельность осуществляется, не могут рассматриваться в тер-

минах культуры. Иными словами, деятельность, целью которой является достижение русофобии или антиамериканизма, не является культурной деятельностью, так как не отвечает критерию универсальности, то есть важности для всех людей. Уже совершенно понятно, что ни русским русофобия, ни американцам антиамериканизм понравиться не могут. Вполне возможно, что есть и другие нации, которые также могут отнестись к данным явлениям с чувством неприятия. В таком своем значении и русофобия, и антиамериканизм будут равны атомному оружию в руках нацистов (которые, как известно, тоже были «анти» – анти-семитами), так как предполагают неприятие друг друга двумя народами, обладающими ядерным оружием. Однако абстрактно-логическое обоснование культурной бессмысленности русофобии и антиамериканизма, к сожалению, не отменяет их конкретного существования. Это обстоятельство и побудило нас рассматривать данные явления в качестве критических точек расхождения российско-американских отношений и через информационный запрос увидеть, какое представление о них оказывается доступным «американскому уму» в информационно-поисковой системе библиотеки исследовательского университета.

Следует отметить, что библиотека является пусть и важным, но все же депозитарием информации и каналом доступа к ней. Перевод же информации в знание – процесс более сложный, в котором университетская библиотека выступает в ряду других, не менее важных субъектов, например, наряду с профессором. Однако, поскольку профессор в преподавании опирается, в первую очередь, на свою библиотеку, она оказывается важнейшим медиумом на пути движения к знанию.

Запрос «anti-Americanism vs. Russophobia» предложил всего два источника, и оба они не относились к обозначенным нами временным критериям. Поэтому мы были вынуждены рассматривать эти явления поочередно, вне связи друг с другом в одном запросе. Тем, кто захочет ознакомиться с литературой по данной проблеме в UWM в период с 2015 по 2016 года, имеется возможность получить следующие данные: антиамериканизм – 52 источника, русофобия – 16.

Антиамериканизм представлен как региональное явления (антиамериканские сантименты в различных странах мира) [8; 22; 32; 35; 46],

внутриамериканская проблема [43] и, как это мы предполагали *a priori*, качество, которым американцы наделяют российское общественное сознание [7; 10; 24; 38; 39; 40; 47].

В целом соглашаясь с причинами, в связи с которыми Америка заслуживает критики, следует отметить, что антиамериканизм – явление в культурном отношении отрицательное, так как оно выступает в качестве предрассудка, то есть неприятие американских ценностей не как результат, а как условие мышления. В этом смысле антиамериканизм не отличается от других предрассудков и фобий.

Региональный антиамериканизм как культурное явление выступает как результат неприятия американского влияния в регионе. Несмотря на природу этого влияния (политическое, военное, экономическое или их комбинация) и специфику региона его осуществления, антиамериканизм как культурное явление выступает как неприятие американских ценностей и образа жизни. Так, южнокорейский антиамериканизм видит в американских ценностях причину препятствия объединения с Северной Кореей, японский – причину атомной бомбардировки. Особенно часто встречающимся явлением выступает ближневосточный антиамериканизм, который к политическим, военным, экономическим различиям добавляет религиозные.

К традиционным причинам антиамериканизма, которые были доступны «американскому уму» до 2014 года, таким как советское прошлое, борьба систем, НАТО, в 2015/16, как и следовало ожидать, выступили украинские события [10; 37]. Общим знаменателем по российскому антиамериканизму является тот, что, несмотря на новые публикации и расширение тематики, желающий ознакомиться с публикациями по проблеме не найдет существенных отличий от тех, которыми проамериканские аналитики наделяли российский антиамериканизм ранее.

Интересным явлением, на наш взгляд, является внимание американцев к американскому антиамериканизму. Всякая попытка разобраться в причинах, по которым граждане страны испытывают негативные чувства по отношению к ней, – заслуживает внимания и одобрения, не говоря уже о том, что в состоянии не только поставить, но и снять проблему. Среди нескольких причин ненависти к стране нас заинтересовали

не те, которые могли бы пересекаться, например, с действующими за пределами Америки – в других регионах. К ним относится, например, религиозный радикально-исламский антиамериканизм, который, к сожалению, приводит к гибели невинных граждан, особенно со времени включения США в борьбу против Исламского государства. Наше внимание привлекла постановка проблемы белого расизма как антиамериканизма [43]. Однако, несмотря на, казалось бы, многообразную рефлексию по проблеме, сама она не получает нового обоснования и, тем более, предложения ее возможного устранения. В такой своей форме – исключительно постановочной и дескриптивной – книга проигрывает работам Макса Вебера, где, на наш взгляд, получает более выраженное культурно-философское осмысление, по сравнению с пусть и эмоционально-зараженным, но индивидуально-личностным описанием.

Ситуация с пониманием «американским умом» русофобии оказывается более сложной, так как термин не имеет аналога в электронном словаре вашего компьютера, который подчеркивает его как ошибку. Та же проблема будет преследовать желающего разобраться в ней и при формировании информационного запроса. Поэтому мы предполагаем, что обращающийся с запросом о русофобии к поисковой системе университета читатель имеет достаточно серьезный интеллектуальный уровень, поскольку он в состоянии настоять на своем запросе. Из 16 источников, по которым предлагается составить представление о русофобии, – одна книга, две научные статьи, 11 газетных статей и два текстовых ресурса. Если элиминировать итальянский язык, на котором написана одна из двух научных статей, то представление о русофобии придется составлять по работе «Румынский зерновой рынок в контексте Британской русофобии (1829–1853)» [20]. Несмотря на интерес, который, несомненно, кто-то может испытывать к румынскому рынку зерна XIX века, и то, как в нем отражается проблема, составить адекватное представление о специфике русофобии в 2015–2016 году он вряд ли сумеет. Поэтому остается обратиться к единственной книге Волтера Лакьюера «Путинизм: Россия и ее будущее с Западом» [31]. Книга представляет собой исследование современной истории России от перестройки до сегодняшнего дня. Включает в себя даже информацию об аннексии Крыма

и гибели самолета малайзийских авиалиний над Украиной. Отдельная глава посвящена русофобии, которая рассматривается в контексте с западнофобией. Из самого названия главы «Источники будущих конфликтов. Идея новой империи – русофобия и западнофобия (боязнь Запада)» – Sources of Future Conflicts. The Idea of a New Empire – Russophobia and Zapadnophobia (fear of the West – можно составить представление об авторской тенденциозности в подходе к проблеме, которая достаточно хорошо выражена во введении к книге: «...Путин может быть более близок к выражению желаний своих людей, чем мы думаем... Россия является и будет являться вызовом для Запада, поэтому в наших интересах понять, с кем мы точно имеем дело и что они хотят, пока не поздно» [31, с. 1]. **Безусловно, интересная работа, к сожалению, не дает развернутого представления о русофобии, на которое можно было бы надеяться, так как приносит информативность в жертву тенденциозности.**

На примере информационных запросов мы рассмотрели, какого рода «культурный возврат» следует ожидать от изучения российско-американских отношений, антиамериканизма и русофобии, выяснив, что полюбить Россию пользователю американской университетской библиотеки, опираясь только на запросы, будет довольно сложно. Конечно, библиотека предлагает книги тех, кого принято считать американскими русофилами, например, профессора Стивена Коэна, который подверг Америку критике за негативную роль, которую его страна сыграла в разрушении Советского Союза, рассматриваемую профессором как «великую человеческую трагедию» [16, с. 1]. При этом профессора Коэна не смущает то обстоятельство, что нынешний российский президент подвергся ошеломляющей критике в Западной прессе за то, что выразил такое же мнение о гибели Советского Союза – настоящий ученый должен быть выше тенденциозных газетных публикаций. Или Ричард Саква, стремящийся к объективности в оценке украинских событий [41]. Однако те, кто следит за работами Коэна и Саква, – неординарные американцы, уровень знаний которых о России, безусловно, выше среднестатистического даже среди образованной части страны. А сам факт того, что Коэн имел возможность выражать свои взгляды, преподавая в Нью-Йоркском и Принстонском универси-

татах, является свидетельством того, что уровень критического мышления в американском высшем образовании необыкновенно высок. Конечно, хотелось бы, чтобы университетская библиотека имела ссылку на статью Коэна в журнале «Нация» (Nation), где профессор говорит о нанесении вреда американской культуре, когда сама возможность войны с Россией ястребами Америки рассматривается без публичного обсуждения, то есть выяснения мнения всего народа [17]. Вместе с тем мейнстрим современной американской культуры в целом неблагоприятно настроен по отношению к России, что особенно ощущается за пределами университетов.

Остановимся на некоторых примерах, иллюстрирующих это отношение. Среди программ, дающих возможность просмотра художественных фильмов в Америке, ценится «Нетфликс» (Netflix). Его ценность связана с тем, что небольшая ежемесячная плата предлагает не только огромный выбор американских и зарубежных фильмов, но и позволяет смотреть их без прерывающей просмотр рекламы. Среди американского сегмента фильмов особенно привлекательными являются сериалы, отражающие культурные проблемы современной Америки. В одном из пользующихся популярностью сериалов на Netflix «Фрэнки и Грейс» ставится проблема американских семейных ценностей. Американская реальность отражается через повседневную жизнь двух подруг, которые развелись с мужьями. Одна из актрис, Джейн Фонда, известна россиянам как жена основателя CNN Тэда Тернера, которая в ельцинское время несколько раз посещала Россию и даже организовывала забеги здоровья в Москве. Другая актриса, Лили Томлин, менее известна россиянам, но является кумиром американской интеллигенции. В одном из сюжетов Лили Томлин бережно носит в руках русский самовар, в котором, как выясняется позже, находится прах ее подруги. При этом самовар используется так, чтобы вызвать у зрителей веселый смех. Однако даже если предположить, что Фрэнки (Лили Томлин) не имеет представления, какую функцию самовар выполняет в российской культуре, в этом нельзя заподозрить Грейс (Джейн Фонду), которая под закадровый смех, пытается проверить, не сыпется ли прах через кран на самоваре, который она периодически открывает. Конечно, фильм нельзя сравнить с тем, как в отношении других

культур поступает, например, Шарли Эбдо, да и самовар – не религиозный символ. Однако, не смотря на интеллектуальный кризис российского кино, пока что (и это очень хорошо) никому из российских режиссеров не пришло в голову выпустить фильм, где прах, например, был бы помещен в американский саксофон, в который один из героев периодически пытался бы дунуть, чтобы увидеть, как прах будет вести себя в этом случае.

Другим, способным озадачить россиянина примером, является факт демонстрации во время телевизионной трансляции увертюры П. И. Чайковского «1812 год» американской статуи свободы. Статуя появляется на экране как символ, когда исполняется та часть увертюры, где звучат выстрелы пушек, и предлагается американским любителям музыки на фоне красочного салюта. Нет ничего плохого в том, что американцы любят эту увертюру, так же как и «Щелкунчика», и во время Рождества и Нового года постоянно показывают их по телевидению. Однако до последнего времени увертюру рассматривали в качестве торжества русского национального характера в войне с Наполеоном. Теперь же Чайковский лишается права отражения русского национального характера, если он желает оставаться на американском телевидении. Не хотелось бы, чтобы кому-то из российских кинопромоутеров в голову пришла мысль исполнить произведение «Тебе, моя страна» (адаптированного варианта британского гимна «Боже, храни королеву», пользующегося популярностью у американцев), показывая «Рабочего и колхозницу» Мухиной, а то и «Девушку с веслом» Ивана Шадра.

Как нам представляется, культура является областью, позволяющей себе независимое от политики самостоятельное существование, и уважение к культуре во время политического противостояния дорого ценится оппонентом и всегда по-доброму вспоминается, когда противостояние закончено. Ведь только историческая близорукость позволяет рассматривать современное противостояние России и Америки как конец истории. Тем, кто действительно так считает, следует перечитать Ф. Фукуяму или вспомнить Джорджа Буша, сидящего на стуле на Красной площади и аплодирующего словам Путина, произнесенным на военном параде в Москве 9 мая 2005 года, в День Победы, когда российский президент высоко характеризовал примирение России и Германии.

Однако поразительно, насколько уязвимой выступает культура, когда политические отношения между странами оказываются напряженными. Все, казалось бы, выстраданные историей качества культуры, такие как диалог, толерантность, диалектика релятивности и универсальности, вдруг превращаются из безусловного требования в простой инструментарий, который может быть заменен монологом, интолерантностью и релятивизмом. Сразу же откуда-то возникают весы истории, на которых, несмотря на предупреждения культурологов [13, с. 365], **оказывается возможным «взвешивать» культуры друг друга.** Еще более абсурдным является то обстоятельство, что под влиянием политики оказывается возможным не то, что не вникать в суть диалога, а элементарно отказывать оппоненту в праве иметь собственную логику. Как будто изучаемый в университетах по обе стороны океана Михаил Бахтин не предупреждал, что диалог культур – это диалогика, то есть диалог логик. Российский министр, который еще два года назад отказывался определять границы для культуры, стал, заимствуя у Владимира Ленина, привлекать военные метафоры: «Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию» [3, с. 1]. Не оспаривая содержание довольно приличной статьи, тем не менее, сложно принять ее логику как единственно возможную. Почему нельзя «кормить культуру» просто из того обстоятельства, что она культура, то есть выводить необходимость культуры из ее собственной сущности, а не из сущности войны? При этом мы прекрасно понимаем, например, тех деятелей культуры, в том числе министра, которые, выражая свою гражданскую позицию, поддержали президента в его действиях по присоединению Крыма. У них есть своя гражданская логика. И, скорее всего, не соглашаясь с ними, западные деятели культуры с уважением отнеслись к их гражданскому выбору. Однако если бы они вдруг заявили, что Гершвин не музыкант или что на английском русском говорить больше нельзя, они вряд ли бы добавили уважения к России в глазах западных деятелей культуры. Политика обязательно должна прокладывать путь к явлениям культуры в виде гражданской позиции по тому или иному вопросу, однако она не должна заменять собой культуру. Деятели культуры, образования России и Запада, особенно сейчас, должны не только не отказываться, а усилить культурный обмен и обмен знаниями, они должны усилить диалог. В целом

культурологический взгляд на политику может оказаться весьма полезным, даже для политики. Ведь значительно лучше звучит известное выражение, при переводе его на язык культуры: «Когда говорят музы, замолкают пушки».

Таким образом, суждение о культуре как политике, несмотря на его современную актуализацию, имеет как сильные, так и слабые стороны. Поскольку современной тенденцией в риторике лиц, принимающих решения в области культуры, являются заимствования крылатых выражений, очевидно, для большей актуализации рассматриваемой проблемы, как, например, использование принадлежащего Наполеону выражения о народе, который, если не будет бдительным – будет кормить чужую армию, то и мы как лица, которые призваны выполнять решения, решили не отклоняться от примера. Поэтому, опираясь на ленинское выражение «коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знаниями всех богатств, которые выработало человечество», можем с уверенностью констатировать, что, обучаясь в американском исследовательском университете, коммунистом стать не получится. Однако не потому, что марксистско-ленинское наследие не занимает ведущую роль в американском высшем образовании, но по объему и уровню информации, предоставляемой университетской библиотекой по запросам о российско-американских отношениях и русофобии.

Информация об антиамериканизме более развернутая, что, вследствие разнообразия его регионального бытования и политических последствий, может представлять интерес для изучения его культурной составляющей, например, при подготовке политологов, участников миротворческих программ, дипломатов, профессию которых можно получить, обучаясь в университете.

Современный американский культурный мейнстрим реагирует на ухудшение отношений между Россией и Америкой, поступаясь аутентичностью заимствованных у России культурных артефактов, принося аутентичность в жертву политической целесообразности.

После украинских событий и санкционного противостояния риторика российских субъектов, принимающих решения в области культуры, политизируется и в обоснованиях, которые избираются для демонстрации значения культуры, доминируют характеристики, имеющие внешнее по отношению к ней происхождение.

Литература

1. Крашенинникова В. Америка-Россия: холодная война культур. – М.: Европа, 2007. – 360 с.
2. Ливанов Д. В. США и Россия должны продолжать работать вместе [Электронный ресурс] // Russia Today. – 2015. – 2 марта. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=941bYSfa9go>.
3. Мединский В. П. Кто не кормит свою культуру, будет кормить чужую армию [Электронный ресурс] // Известия. – 2015. – 17 Июня. – URL: <http://izvestia.ru/news/587771>.
4. Мединский В. П. Санкции не оказывают большого влияния на культурный обмен между РФ и Западом // ТАСС. – 2014. – 28 сент. – С. 1.
5. Тросникова Д. Дмитрий Ливанов: «На меня смотри!» [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2013. – 30 марта. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2159624>.
6. Anonymous. Ami Go Home; Germany and America // The Economist. – 2015. – № 414 (8924). – P. 51.
7. Anonymous. A strategy of spectacle; Russia's wars // The Economist. – 2016. – № 418(8981). – P. 16–23.
8. Anti-Americanism and Anti-Interventionism in Arabic Twitter Discourses. Perspectives on Politics. – 2015. – Vol. 13 (1). – P. 55–73.
9. Azpuru De Cuestas Dinorah, Boniface Dexter S. Individual-Level Determinants of Anti-Americanism in Contemporary Latin America // Latin American Research Review. – 2015. – Vol. 50 (3). – P. 111–134.
10. Baev P. News analysis: Dubious outcomes of Kerry's meeting with Putin in Sochi // Ukrainian Weekly. – 2015. – May 24. – P. 3, 9.
11. Berman Russell. The Conservative Case Against Enforcing Immigration Law // The Atlantic. – 2015. – March 6. – P. 1–5.
12. Bremmer I. Sea of Troubles // Time. – 2015. – № 185(1). – P. 18.
13. Brown Michael. Cultural Relativism 2.0 // Current Anthropology. – 2008. – № 49 (3). – P. 363–383.
14. Campbell E. South Korea's New Nationalism: The End of "One Korea?". – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2016. – 228 p.
15. Casey Bernard. Last Chance for peace in Ukraine // Kyiv Post. – 2015. – March 22. – P. 1.
16. Cohen S. Failed crusade: America and the tragedy of post-Communist Russia. – First ed., 2000. – 337 p.
17. Cohen S. War With Russia Without Public Debate? // The Nation. – 2016. – June 9. – P. 1–5.
18. Colucc L. Russia Keeps Winning // U.S. News & World Report. – 2015. – August 19. – P. 1.
19. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon // The Journal of Politics. – 2016. – Vol. 78 (1). – P. 311–325.
20. Cristian Constantin. Romanian grain market in the British Russophobia context 1829-1853 // Hiperboreea. – 2015. – 01 June. – P. 95–107.
21. Crowley M. Don't Pivot Away From NATO // U.S. News & World Report. – 2015. – June 5. – P. 1.
22. Dale H. Iran's new wave of Anti-Americanism // The Epoch Times. – 2015. – November 13. – P. A 9.
23. Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia // International Affairs. – 2016. – № 92(1). – P. 21–42.
24. Gerber Theodore P., Zavisca Jane. What 18 focus groups in the former USSR taught us about America's image problems // The Wilson Quarterly. – 2015. – Summer. – Vol. 39 (3). – P. 1–27.
25. Gries T., Meierrieks D., & Redlin M. Oppressive governments, dependence on the USA, and anti-American terrorism // Oxford Economic Papers. – 2015. – Vol. 67(1). – Feb. 2. – P. 83–103.
26. Hocking B. The Spy Who Brought Back the Cold War. U.S. News & World Report, 2015. – Feb. 2. – P. 1.
27. Hryckowian D. Not Your Father's Cold War // U.S. News & World Report. – 2015. – August 26. – P. 1.
28. Isa A., Urbanski Steve, Hossain Mahmood, Martinelli Diana, Smith David, & Stewart Tom. MH17 Tragedy: A Comparative Analysis of Cold War and Post-Cold War Media Framing of Aviation Disasters // Pro Quest Dissertations and Theses, 2015. – 41 p.
29. Jamal Amaney A., Keohane Robert O., Romney David, Tingley Dustin. Anti-Americanism in Arabic Twitter discourses is driven by perceptions of U.S. impingement in the region // USApp: American Politics and Policy Blog. – 2015. – 19 March. – Blog Entry.
30. Krastev I., & Leonard M. Europe's Shattered Dream of Order: How Putin Is Disrupting the Atlantic Alliance // Foreign Affairs. – 2015. – № 94(3). – P. 48–58.
31. Laqueur W. Putinism: Russia and its future with the West. – First ed., 2015. – 271 p.
32. Lawson Colin W, Hudson John. Who is Anti-American in the European Union? // SAGE Journals. – 2015. – Vol. 5(2). – P. 1–15.

33. McDermott R. Russia's National Security Strategy denotes U.S. and NATO as threats // *Ukrainian Weekly*. – 2016. – January 24. – P. 2, 22.
34. Painter S. Don't Forget About Ukraine // *U.S. News & World Report*. – 2015. – December. – P. 1.
35. Rezaie Yazdi Mohammad, Lucas W. Scott. Khomeinism, the Islamic Revolution and anti-Americanism // *ProQuest Dissertations and Theses*, 2016.
36. Royce E. Countering Putin's Information Weapons of War // *Wall Street Journal*. – 2015. – April 1. – P. A. 13.
37. Russia politics: Rise of the right and the anti-Maidan movement // *EIU Views Wire*. – 2015. – Feb. 4. – P. 1.
38. Russia: Russian Pollster: Kremlin Nurtures Rising Anti-Americanism // *Asia News Monitor*. – 2015. – Oct. 19. – P. 1.
39. Russian commentator argues against anti-American "phobia" // *BBC Monitoring Former Soviet Union*. – 2015. – Feb. 3.
40. Russian state TV talk show criticizes US policies // *BBC Monitoring Former Soviet Union*. – 2015. – Oct. 17.
41. Sakwa R. & Ebooks Corporation // *Frontline Ukraine: Crisis in the borderlands*. – 2015. – 19 Feb.
42. Shakrov Damien. Trump says U.S. should shoot Russian planes if diplomacy fails // *Newsweek*. – 2016. – May 3. – P. 2.
43. Steele S. Shame: How America's past sins have polarized our country. – Boulder: Basic Books, 2015. – 207 p.
44. Van Jelgerhuis D., Wakamiya Lisa, Romanchuk Robert, & Edwards Leigh. The Resurgence of Cold War Imagery in Western Popular Culture // *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2015.
45. Vogt Jay. Would a Donald Trump Presidency Be Good for Russia? // *Russia Insider*. – 2015. – July 10.
46. Watanabe Y., & McConnell David L. Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States. – Armonk: Taylor and Francis, 2015. – 328 p.
47. Weir F. Anti-Americanism provides big boost to Russia's small IT businesses // *The Christian Science Monitor*. – 2015. – June 30.
48. Xie K. Some BRICS in the Arctic: Developing Powers Look North // *Harvard International Review*. – 2015. – № 36(3). – P. 60–63.
49. Zuckerman M. Something, But Not Enough // *U.S. News & World Report*. – 2015. – April. – P. 1.

References

1. Krashenninnikova V. *Amerika-Rossiia. Kholodnaya voyna kul'tur* [Cold war on culture]. Moscow, Europa Publ., 2007. 360 p. (In Russ.).
2. Livanov D.V. SShA i Rossiia dolzhny prodolzhat' rabotat' vmeste [U.S., Russia must continue working together]. *Russia Today*, 2015, March 2. (In Russ.). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=941bYSfa9go> (accessed 24.06.2016).
3. Medinskiy V.R. Kto ne kormit svoyu kul'turu, bydet kormit' chuzhuyu armiyu [Who does not feed its own culture, will feed a foreign army]. *Izvestiya*, 2015, June 17. (In Russ.). Available at: <http://izvestia.ru/news/587771>.
4. Medinskiy V.R. Sanktsii ne okazyvayut bol'shogo vliyaniya na kul'turnyy obmen mezhdru RF i Zapadom [Sanctions will not have much impact on the cultural exchange between Russia and the West]. *TACC [TASS]*, 2014, September 28, p. 1. (In Russ.).
5. Trosnikova D. Dmitriy Livanov: "Na menya smotri!" [Dmitri Livanov: "Look At Me!"]. *Kommersant [Merchant]*, 2013, March 30. (In Russ.). Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2159624>.
6. Anonymous. Ami Go Home; Germany and America. *The Economist*, 2015, no. 414 (8924), p. 51. (In Engl.).
7. Anonymous. A strategy of spectacle; Russia's wars. *The Economist*, 2016, no. 418 (8981), pp.16-23. (In Engl.).
8. Anti-Americanism and Anti-Interventionism in Arabic Twitter Discourses. *Perspectives on Politics*, 2015, vol. 13 (1), pp. 55-73. (In Engl.).
9. Azpuru De Cuestas Dinorah, Boniface Dexter S. Individual-Level Determinants of Anti-Americanism in Contemporary Latin America. *Latin American Research Review*, 2015, vol. 50 (3), pp. 111-134. (In Engl.).
10. Baev P. News analysis: Dubious outcomes of Kerry's meeting with Putin in Sochi. *Ukrainian Weekly*, 2015, May 24, pp. 3, 9. (In Engl.).
11. Berman Russell. The Conservative Case Against Enforcing Immigration Law. *The Atlantic*, 2015, March 6, pp. 1-5. (In Engl.).
12. Bremmer I. Sea of Troubles. *Time*, 2015, no. 185(1), p. 18. (In Engl.).
13. Brown Michael. Cultural Relativism 2.0. *Current Anthropology*, 2008, no. 49, (3), pp. 363-383. (In Engl.).
14. Campbell E. *South Korea's New Nationalism: The End of "One Korea?"*. Boulder, CO, Lynne Rienne Publ., 2016. 228 p. (In Engl.).
15. Casey Bernard. Last Chance for peace in Ukraine. *Kyiv Post*, 2015, March 22, p. 1. (In Engl.).

16. Cohen S. *Failed crusade: America and the tragedy of post-Communist Russia*. First ed., 2000. 337 p. (In Engl.).
17. Cohen S. War With Russia Without Public Debate? *The Nation*, 2016, June 9, pp. 1-5. (In Engl.).
18. Colucci L. Russia Keeps Winning. *U.S. News & World Report*, 2015, August 19, p. 1. (In Engl.).
19. Corstange Daniel. Anti-American Behavior in the Middle East: Evidence from a Field Experiment in Lebanon. *The Journal of Politics*, 2016, vol. 78 (1), pp. 311-325. (In Engl.).
20. Cristian Constantin. Romanian grain market in the British Russophobia context 1829-1853). *Hiperboreea*, 2015, 01 June, pp. 95-107. (In Engl.).
21. Crowley M. Don't Pivot Away From NATO. *U.S. News & World Report*, 2015, June, p. 1. (In Engl.).
22. Dale H. Iran's new wave of Anti-Americanism. *The Epoch Times*, 2015, November 13, p. A 9. (In Engl.).
23. Forsberg T. From Ostpolitik to 'frostpolitik'? Merkel, Putin and German foreign policy towards Russia. *International Affairs*, 2016, no. 92(1), pp. 21-42. (In Engl.).
24. Gerber Theodore P., Zavisca Jane. What 18 focus groups in the former USSR taught us about America's image problems. *The Wilson Quarterly*, 2015, Summer, vol. 39 (3), pp. 1-27. (In Engl.).
25. Gries T., Meierrieks D., & Redlin M. Oppressive governments, dependence on the USA, and anti-American terrorism. *Oxford Economic Papers*, 2015, vol. 67(1), pp. 83-103. (In Engl.).
26. Hocking B. The Spy Who Brought Back the Cold War. *U.S. News & World Report*, 2015, Feb. 2, p. 1. (In Engl.).
27. Hryckowian, D. Not Your Father's Cold War. *U.S. News & World Report*, 2015, August 26, p. 1. (In Engl.).
28. Isa A., Urbanski Steve, Hossain Mahmood, Martinelli Diana, Smith David, & Stewart Tom. MH17 Tragedy: A Comparative Analysis of Cold War and Post-Cold War Media Framing of Aviation Disasters, *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2015. (In Engl.).
29. Jamal Amaney A., Keohane Robert O., Romney David; Tingley Dustin. Anti-Americanism in Arabic Twitter discourses is driven by perceptions of U.S. impingement in the region. *USApp: American Politics and Policy Blog*, 2015, 19 March, Blog Entry. (In Engl.).
30. Krastev I., & Leonard M. Europe's Shattered Dream of Order: How Putin Is Disrupting the Atlantic Alliance. *Foreign Affairs*, 2015, no. 94(3), pp. 48-58. (In Engl.).
31. Laqueur W. *Putinism: Russia and its future with the West*. First ed., 2015. (In Engl.).
32. Lawson Colin W., Hudson John. Who is Anti-American in the European Union?. *Sage journals*, 2015, vol. 5(2). (In Engl.).
33. McDermott R. Russia's National Security Strategy denotes U.S. and NATO as threats. *Ukrainian Weekly*, 2016, January 24, pp. 2, 22. (In Engl.).
34. Painter S. Don't Forget About Ukraine. *U.S. News & World Report*, 2015, December, p. 1. (In Engl.).
35. Rezaie Yazdi Mohammad, Lucas W. Scott 2016. Khomeinism, the Islamic Revolution and anti-Americanism. *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2016. (In Engl.).
36. Royce E. Countering Putin's Information Weapons of War. *Wall Street Journal*, 2015, April 15, p. A. 13. (In Engl.).
37. Russia politics: Rise of the right and the anti-Maidan movement. *EIU Views Wire*, 2015, Feb. 4, p. 1. (In Engl.).
38. Russia: Russian Pollster: Kremlin Nurtures Rising Anti-Americanism. *Asia News Monitor*, 2015, Oct. 19, p. 1. (In Engl.).
39. Russian commentator argues against anti-American "phobia". *BBC Monitoring Former Soviet Union*, 2015, Feb. 3. (In Engl.).
40. Russian state TV talk show criticizes US policies. *BBC Monitoring Former Soviet Union*, 2015. Oct. 17, (In Engl.).
41. Sakwa R., & Ebooks Corporation. *Frontline Ukraine: Crisis in the borderlands*, 2015, 19 Feb. (In Engl.).
42. Shakrov Damien. Trump says U.S. should shoot Russian planes if diplomacy fails. *Newsweek*, 2016, May 3, p. 2. (In Engl.).
43. Steele S. *Shame: How America's past sins have polarized our country*. Boulder, Basic Books Publ., 2015.
44. Van Jelgerhuis D., Wakamiya Lisa, Romanchuk Robert, & Edwards Leigh. The Resurgence of Cold War Imagery in Western Popular Culture. *Pro Quest Dissertations and Theses*, 2015. (In Engl.).
45. Vogt Jay. Would a Donald Trump Presidency Be Good for Russia?. *Russia Insider*, 2015, July 10. (In Engl.).
46. Watanabe Y., & McConnell David L. *Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and the United States*. Armonk, Taylor and Francis Publ., 2015. 328 p. (In Engl.).
47. Weir F. Anti-Americanism provides big boost to Russia's small IT businesses. *The Christian Science Monitor*, 2015, June 30. (In Engl.).
48. Xie K. Some BRICS in the Arctic: Developing Powers Look North. *Harvard International Review*, 2015, no. 36(3), pp. 60-63. (In Engl.).
49. Zuckerman M. Something, But Not Enough. *U.S. News & World Report*, 2015, April, p. 1. (In Engl.).